

Глубокая зимняя ночь, свет луны был исключительно бледным и чистым, оставляя на оконных решетках слой холодного белого инея.

Вэй Цзи с болезненным выражением согнулся пополам, прижимая руки к животу. Пустой просторный тронный зал походил на ледяной погреб, а изо рта и носа поднимались клубки белого пара.

Неизвестно, сколько времени прошло, но когда он уже больше не мог терпеть и хотел позвать на помощь, снаружи внезапно послышалось несколько испуганных и встревоженных голосов.

— Ваше Высочество, человек здесь, внутри.

— Этот подданный правда не знал, почему он не ушел, умоляю Ваше Высочество во всем разобраться.

Затем последовал яростный окрик:

— Чего стоите, открывайте двери зала!

Услышав этот голос, Вэй Цзи резко поднял голову, едва не разрыдавшись от радости.

Тяжелые лакированные двери цвета бычьей крови, украшенные золотой росписью, распахнулись. Хлынул порыв ледяного ветра, и дворцовые фонари разогнали тишину и мрак глубокой ночи, отбросив тяжелые тени.

Стоило дверям открыться, как процессия нетерпеливо ворвалась внутрь.

Цзян Янь на мгновение не расслышал:

— Что?

Вэй Цзи же, словно ничего не заметив, сосредоточенно уставился на лежащую перед ним книгу мудрецов.

Фан Цзиньань, словно что-то почуяв, повернул голову к Вэй Цзи и злобно бросил:

— На что это ты пялишься?

Цзян Янь подошел ближе и, заметив бледное лицо Вэй Цзи, мгновенно помрачнел:

— С чего это тебя вдруг заперли в таком месте? Признавайся, это кто-то тебя обманом сюда замазал?

Остальные компаньонов по учебе держались непринужденно и даже сбились в кучку, о чем-то шепчась между собой.

Тот, кто шел впереди, был закутан в темный плащ на меху, его широкие плечи и спина были расправлены. Черты лица тонули во тьме, и лишь глаза, в которых бушевали гнев и тревога, сияли поразительным блеском.

Фан Цзиньань с издевкой обратился к двум другим:

— Шицзы, пожалуй, нам стоит говорить потише. У стен ведь есть уши, а этот мастер жаловаться всё услышит и неизвестно еще, каких наговоров наплетет Его Высочеству наследному принцу.

Вэй Цзи тут же втянул голову в плечи.

Он просидел взаперти целые сутки, стояла лютая зима, и естественная нужда дала о себе знать, но в этом месте не было ночного горшка. Вэй Цзи не смел облегчиться прямо здесь и терпел до самого конца.

Сегодня Вэй Цзи, как обычно, пришел в книжное хранилище, но в назначенный час принц и тафу так и не появились. Хотя он и удивился, расспрашивать ни о чем не стал и просто послушно ждал на своем месте.

Вэй Цзи никогда не был близок с ними, но по их виду понял, будто они знали, почему принц сегодня не пришел. Не удержавшись, он прислушался и украдкой вытянул шею.

Отец Вэй Цзи являлся наследным трижды титулованным хоу династии Даюн. Благодаря безграничной милости императора в тринадцать лет он стал компаньоном принца по учебе и состоял при нем уже четыре года.

Вэй Цзи так сильно замерз, что весь дрожал, и с трудом выдавил из себя фразу.

Прижав к груди беалоснежную фарфоровую пиалу, Вэй Цзи трепеща пил кашу. Чувствуя на себе взгляд наследного принца, он опустил голову еще ниже.

Когда шаги за дверью затихли, Вэй Цзи облегченно выдохнул и расслабил напряженные плечи.

Цзян Янь лежал на постели, рядом стояла бронзовая курильница с золотым тиснением, а на установленной над ней глиняной жаровне весело булькала каша из тыквы.

Стоило ему повысить голос, как все всё поняли, и уши Вэй Цзи запылали еще сильнее — будь на полу трещина, он бы провалился сквозь землю.

-

В хорошо освещенной спальне полы отапливались системой подземного обогрева кан, а в углу в курильнице в форме журавля тлел изысканный и легкий благовонный дымок.

Стоило ему это произнести, как те двое шицзы бросили на Вэй Цзи презрительные взгляды.

Уши Вэй Цзи покраснели:

— Ну... нуж... нужно в туалет.

Цзян Янь на мгновение замер, резко повернулся к слугам и приказал:

— Живо несите ночной горшок!

Фан Цзиньань презрительно бросил «какое лицемерие», и все трое покинули книжное хранилище.

Компаньонов по учебе у наследного принца вместе с Вэй Цзи было четверо: двое — знатные молодые господа из императорского рода, и двое — прямые наследники в родах хоу.

Отец Фан Ианя был хоу второго ранга, а статус двух других в династии Даюн и вовсе почитался высочайшим, так что они издавна смотрели на Вэй Цзи свысока.

Вэй Цзи тоже не навязывался и никогда не пытался сблизиться с ними первым.

Прождав в хранилище четверть часа и не дождавшись ни возвращения Фан Цзиньаня с остальными, ни появления принца, Вэй Цзи не знал, стоит ли ему выйти и всё разузнать.

Близился полдень, в хранилище становилось всё холоднее. Никто не приходил подбросить угли в жаровню — в прежние дни к этому часу их меняли уже трижды.

Вэй Цзи почуял неладное. Больше он ждать не мог, поднялся, чтобы выйти, но обнаружил, что тяжелые двери снаружи заперты на замок.

Сколько бы он ни звал на помощь, никто не отзывался, и вот так его продержали взаперти целый день.

К наступлению темноты в Поместье маркиза заметили, что Вэй Цзи долго не возвращается. Опасаясь за него и еще больше боясь, что он прогневит наследного принца и навлечет беду, они поспешно отправили людей разузнать обстановку во дворце.

Когда Цзян Янь узнал об исчезновении Вэй Цзи, он велел вытащить Фан Цзиньяня и двоих шицзы из их поместий на поиски.

Никто не ожидал, что дело зайдёт так далеко. Двое шицзы, испытывая суеверный страх, одновременно корили Фан Цзиньяня за его дурацкую затею.

Сегодня ранним утром у Цзян Яня внезапно поднялся жар — это был предвестник периода точки, при котором предписывалось соблюдать постельный режим.

Когда Фан Цзиньянь и остальные прибыли во дворец, люди принца передали им сообщение, что сегодня из-за недомогания присутствовать на занятиях не нужно.

Когда евнух зашел с докладом, Вэй Цзи там не было: он с помощью грелки отпаривал сиденье кресла для Цзян Яня, чтобы, когда тот придет, оно было приятно теплым.

Фан Цзиньянь презрительно относился к стремлению Вэй Цзи угождать принцу, поэтому и предложил над ним подшутить.

Они намеренно не сказали Вэй Цзи, что сегодня сопровождать наследника на учебу не требуется, а покинув книжное хранилище, велели слугам запереть двери, заявив, что внутри никого нет.

Хотя все они презирали Вэй Цзи, принц неизменно благоволил именно к нему.

Но бьют собаку лишь глядя на хозяина, и Фан Цзиньянь не смел перегибать палку — он лишь хотел немного проучить Вэй Цзи и запереть его на часок-другой.

Вот только в тот день во дворце как раз выдавали жалование, и несший дежурство в хранилище евнух проявил халатность. Сколько бы Вэй Цзи ни звал, привлечь чье-либо внимание ему так и не удалось, из-за чего всё и разрослось до таких масштабов.

Словно продрогший котенок, Вэй Цзи съежился, пока наследный принц вел его в свои покои.

Цзян Янь велел кухне приготовить для Вэй Цзи поесть и приказал вскипятить целый бадью воды: едва Вэй Цзи окунулся в горячую ванну и вышел, как его уже ждала горячая еда.

Однако есть под пристальным взглядом принца Вэй Цзи не мог себя заставить, как бы сильно ни проголодался, не говоря уже о том, что перед этим он...

Бабушка часто говаривала, что Вэй Цзи упрям донельзя и сколько бы ни учился, ума ему не прибавится.

И это сущая правда: он испытывал естественный, заложенный в крови трепет перед заветами Конфуция и императорской властью.

Стоило ему вспомнить, как он перед портретом Учителя и перед лицом Сына Неба возжелал воспользоваться ночным горшком, как Вэй Цзи охватывал такой стыд, что его раскрасневшееся лицо готово было провалиться прямо в пиалу с кашей.

Допив кашу, Вэй Цзи осторожно опустил палочки и пиалу.

Цзян Янь поднял взгляд, и в его голосе послышалась хрипотца:

— Наелся?

— Наелся. — Вэй Цзи отвесил Цзян Яню поклон. — Благодарю Ваше Высочество.

Цзян Янь махнул рукой, и слуги тут же убрали жаровню вместе с посудой.

Время было позднее, и Вэй Цзи уже собирался проститься, как вдруг услышал слова человека на постели:

— Сегодня не возвращайся.

Вэй Цзи ошеломленно поднял голову.

Встретившись с этим полным изумления взглядом, Цзян Янь тут же отвернулся и, словно рассердившись, проговорил грубым голосом:

— Скоро затворят дворцовые ворота, тебе уже не выйти!

Запнувшись, он нервно тербил кисть нефритовой подвески и с напускным недовольством бросил:

— Будешь спать здесь, полезай наверх.

С этими словами он подвинулся к стене, освобождая для Вэй Цзи огромное пространство.

Обстоятельства нынче были исключительными, и остаться у принца на ночь было в общем-то не страшно — в конце концов, прежде ему уже доводилось спать в Восточном дворце, — но как он мог посметь лечь на ложе самого наследника?

Вэй Цзи смущенно произнес:

— Это... нарушает правила.

— Что тут нарушает правила?! — свирепо глядя на Вэй Цзи, рявкнул Цзян Янь. — В Восточном дворце мои слова — и есть закон! Велено лезть — так лезть!

Вэй Цзи сопровождал его на учебе уже не первый год и прекрасно знал нрав Цзян Яня. Увидев, что тот разозлился, он в полном замешательстве карабкался на кровать.

Ночной страж погасил большую часть свечей в спальне, оставив лишь две одинокие лампы в углах, с трудом освещавшие очертания комнаты.

Евнух осведомился:

— Ваше Высочество, не принести ли еще одно одеяло?

Цзян Янь бросил на него быстрый взгляд, и слуга, больше ничего не спрашивая, молча удалился.

Вэй Цзи не расслышал ответа Цзян Яня и решил, что слуга пошел за одеялом. Вытянувшись стрункой на краю постели, он ждал его возвращения, совершенно не зная, куда деть глаза: то прикроет их на мгновение, то снова распахнет.

В то время как Вэй Цзи охватила тревога, у самого его уха повеяло легким ветерком, и следом на него опустился мягкий край одеяла.

Цзян Янь недовольно буркнул:

— Чего забился так далеко? Как укрываться одним одеялом?

Вэй Цзи посмотрел на Цзян Яня. Разве тот ушел не за новым одеялом?

В полумраке спальни лицо Цзян Яня озаряло мягкое сияние оранжевого пламени свечей, а черные глаза неотрывно, с невероятной нежностью глядели на Вэй Цзи сквозь пляшущие

язычки огня.

Дыхание Вэй Цзи замерло.

Цзян Янь с усилием отвернулся.

Вэй Цзи не понимал, к чему эти капризы — нрав у того всегда был переменчивым и непостижимым, хотя порой он бывал послушным и легким на уговоры, как трехлетний ребенок.

Вэй Цзи поджал губы, тихонько пододвинулся ближе к Цзян Яню и укрылся краем одеяла по самый живот.

Цзян Янь долго лежал неподвижно, казалось, он уже заснул. Вэй Цзи же не смыкал глаз, глядя на полог над головой и мысленно считая овец.

В час хай вошел евнух с пиалой лекарства для Цзян Яня.

Приближался период течи, и каждые три часа Цзян Яню полагалось принимать успокаивающий отвар, сдерживающий жар этого времени.

Цзян Янь уже начал гореть, его лицо порозовело, а яркий румянец тянулся от уголков глаз до самой шеи, придавая ему поразительно прекрасный вид. Наполовину в бреду он был разбужен, с трудом подавляя раздражение, залпом осушил лекарство.

Допив горький до невозможности отвар, Цзян Янь небрежно швырнул пиалу, завернул Вэй Цзи в одеяло и притянул к себе.

От неожиданности глаза Вэй Цзи округлились до предела.

Цзян Янь пылал жаром, его тело казалось раскаленным печным углем. Руки сомкнулись вокруг Вэй Цзи намертво, словно тиски, а лицо уткнулось ему в шейную впадинку.

Вэй Цзи во все глаза переглядывался со стоявшим рядом евнухом.

Скукожив лицо от жалости, евнух шепнул Вэй Цзи:

— Его Высочество изнывает от жара. Вы провели в хранилище весь день и, должно быть, прозябли, а Вашему Высочеству так сладко прижиматься к вам... Пожалуйста, уважьте его.

Раз Цзян Яню было хорошо в его объятиях, Вэй Цзи оставалось только позволить себя

обнимать, и он понимающе кивнул.

Евнух с благодарностью поклонился: не будь здесь господина Вэй, неизвестно, как бы буянил принц и стал ли бы он вообще пить лекарство добровольно.

Больше не говоря ни слова, он увел остальных слуг.

-

Цзян Янь крепко прижимал Вэй Цзи к груди, то и дело беспокойно елозя головой туда-сюда, словно отыскивая наиболее удобное положение.

В полусне Цзян Янь уловил едва заметный аромат — нежный, но не приторный. Для него он был подобен горсти снега посреди лета или прохладному оазису в раскаленной пустыне.

Однако этот запах тут же исчез, спрятавшись словно внутри плотно сомкнутых створок раковины.

Обратившись в дикого зверя, Цзян Янь попытался острыми когтями взломать створки раковины, чтобы заставить этот насыщенный аромат источиться наружу.

Цзян Янь тыкался носом ему в шею и плечи, а Вэй Цзи оставалось лишь запрокинуть голову и покорно сносить это трение.

Глядя, как кожа у уголков глаз Цзян Яня становится всё краснее — точно обиженный ребенок, который хочет сладостей, но не может их получить, и оттого горько плачет, — Вэй Цзи хотел улыбнуться, но вспомнил о подобающем почтении к императорской власти и поспешно подавил улыбку в уголках губ.

Последние два года неведомо почему в период течки Цзян Янь начинал вести себя точь-в-точь как огромный пес: жутко привязывался к нему, а порою вытворял самые странные вещи.

<http://bllate.org/book/18661/1799214>